

Китайская картина будущего мира и место России в нем

В настоящее время Китай переживает период переоценки своего места в мире и пересмотра многих основополагающих принципов внешней политики, сформированных на раннем этапе эпохи реформ в конце 1970-х и в 1980-х годах. Происходящие изменения в китайских взглядах на мироустройство и будущую роль Китая в нем жестко обусловлены качественными изменениями, которые пережили китайская экономика и демография. Современная китайская экономика отличается более высокой, чем когда либо ранее, зависимостью от внешнего мира. Выработка внешнеполитического курса, отвечающего этим изменениям, является для КНР вопросом выживания.

Китайская внешняя политика до начала 2010-х годов следовала принципам, заложенным архитектором китайских реформ Дэн Сяопином и получившим название *тао гуан ян хуэй* (韬光养晦 – крылатое выражение, означающее «скрывать свои способности и ждать своего часа»). Концепция была кратко описана Дэн Сяопином в так называемой формуле из двадцати четырех иероглифов в 1990 году и выглядела следующим образом: «Хладнокровно наблюдать, крепко стоять на ногах, спокойно решать проблемы, выжидать в тени, вести себя скромно, никогда не претендовать на лидерство» (冷静观察，站稳脚跟，沉着应付，韬光养晦，善于守拙，绝不当头).

Эта концепция была выработана в условиях слабости и глубокого экономического, технологического, культурного, социального и военного отставания Китая от ведущих мировых держав. Ее оформление произошло на фоне угрозы международной изоляции после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Фактически Дэн призывал к введению своего рода «особого периода» для китайской внешней политики, когда КНР должна устранить от активной роли в решении любых международных проблем, не затрагивающих напрямую ее жизненно важные интересы (территориальная целостность, суверенитет, политический строй и т.п.).

Китай должен был избегать любых проявлений лидерства во внешней политике и всеми силами уклоняться от прямых столкновений с другими крупными державами. При необходимости Китай должен был ради этой цели жертвовать престижем и отношениями со старыми друзьями. Концепция была основана на предположении, что Китаю необходимо несколько десятков лет непрерывного, спокойного развития, для того чтобы преодолеть (или сократить до приемлемого уровня) свое отставание, решить острейшие внутренние проблемы и тогда уже занять законное место в международных делах.

Концепция была сформулирована в окончательном виде в 1990 году, но созрела в течение 1980-х. Предполагалось, что важную роль в ней сыграл бы

Кашин Василий Борисович, старший научный сотрудник Центра анализа стратегий и технологий. E-mail: v_kashin@yahoo.com

СССР, существование которого позволяло КНР заниматься балансированием между Москвой и Вашингтоном, добиваясь максимально благоприятных условий сотрудничества от обеих сторон. Уже в первой половине 1980-х Китай начал постепенное движение в сторону нормализации отношений с Советским Союзом; в 1989 году в ходе визита Михаила Горбачева в Пекин эта цель была достигнута.

Распад СССР в 1991 году нанес опасный удар по этой концепции. Но последующее неудачное развитие отношений между Россией и Западом, переход Москвы с 1996 года к многовекторной внешней политике – всё это позволило Китаю добиться своих целей. С середины 1990-х Россия превращается в основного оппонента Запада по целому ряду международных проблем, в том числе тех, где экономические интересы Китая были выражены сильнее, чем интересы России. В 1990-х годах это были иракская проблема и ситуация в Судане, подходы к теме «гуманитарных интервенций», в последующем – иранская ядерная проблема, ситуация в Зимбабве и многие другие.

Сложилась практика, при которой Россия выступает как бы основным оппонентом западного мира, в то время как Китай, с которым российская позиция согласуется, ограничивается общими словами в ее поддержку.

Подобная структура взаимодействия сложилась вместе с установлением российско-китайского стратегического партнерства в 1996 году и была закреплена российско-китайским договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 года, предполагающим обязательное проведение консультаций по вопросам, представляющим угрозу международному миру и безопасности. Нарботана значительная практика подобных консультаций; российский посол в Пекине – один из наиболее авторитетных российских дипломатов в ранге заместителя министра иностранных дел. Он, как и его китайский коллега в Москве, обладает широкими полномочиями по согласованию вопросов и принятию решений.

На протяжении длительного времени такая система отношений идеальным образом отвечала стратегическим интересам Китая. Россия при минимальной китайской поддержке относительно эффективно сдерживала давление Запада, тормозила американские инициативы, касавшиеся вопросов глобального управления, препятствовала усилению дипломатического давления на режимы, проводившие не зависимую от США или антиамериканскую политику. В 2014 году торговля Ирана с КНР составляла 52 млрд долларов США, а торговля Ирана с Россией – 1,5 млрд (возможно, еще несколько миллиардов приходилось на торговлю через третьи страны). При этом в усилиях по снятию санкций с Ирана и разрешению иранской ядерной проблемы Россия играла роль основного «незападного» переговорщика, а роль КНР была почти незаметна. Россия подвергалась критике как друг и защитник Ирана, а Китай тем временем спокойно строил планы увеличения товарооборота с Тегераном до 200 млрд долларов в год к 2024 году и едва ли вообще упоминался в западной прессе в связи с проблемой.

Подобная ситуация была и остается исключительно комфортной для КНР. Россия не имеет выбора: она ведет борьбу, пытаясь обеспечить свои интересы, свою безопасность и предотвратить собственную изоляцию и стратегическое окружение создаваемой США системой союзов и партнерств. Отказаться от противодействия Западу Россия едва ли может. Но главным выгодополучателем от затяжной и во многих случаях безрезультатной борьбы между Москвой и Вашингтоном был и остается Пекин.

Главная проблема для Китая в этой ситуации заключается в том, что за спиной у России невозможно отсиживаться вечно. Китайская экономика и китайские глобальные интересы выросли до таких чудовищных масштабов, что

защищать их при помощи России, не вступая в конфликт с единственной мировой сверхдержавой, становится все сложнее.

Современный Китай почти на 60% зависит от импорта нефти и является крупнейшим ее импортером в мире. Китай импортирует нефти больше, чем годовой, например, объем ее экспорта Россией. В 2014 году Китай импортировал более 300 млн т нефти, а Россия экспортировала 224 млн т. Даже если Россия переориентирует весь свой экспорт нефти на Китай (а это невозможно физически), Китаю этого не хватит.

Отметим также, что Китай пока остается более бедной страной, чем Россия. С учетом паритета покупательной способности его душевой ВВП вдвое ниже российского. Таким образом, даже достижение КНР уровня жизни и стандартов потребления современной России или некоторых восточноевропейских стран ЕС должно привести к новому невероятному росту потребления всех видов ресурсов, львиная доля которых будет закупаться на мировом рынке. Речь идет не только о нефти и газе, но и о лесе, сельхозпродуктах, металлах и т.д.

Из этого следует важный вывод. Ни один отдельно взятый регион мира и ни одна страна мира не способны удовлетворить потребностей китайской экономики в ресурсах. Китаю необходимо обладать мировой империей – сферой преобладающего (или значительного) экономического и политического влияния. Если для США такая империя – вопрос сверхприбылей корпораций и возможностей среднему классу чаще менять автомобили, то для КНР это вопрос выживания.

Уже сейчас Китай – первый, самый крупный торговый партнер Африки и Ближнего Востока. Он также третий по значению торговый партнер Латинской Америки и крупнейший для некоторых крупных латиноамериканских государств. И он уже накопил объем прямых инвестиций за рубежом более 600 млрд долл. Значительная часть этих средств вложена в активы в нестабильных странах развивающегося мира, где у КНР пока нет военного присутствия и серьезного политического влияния, а у конкурентов КНР есть и то, и другое.

Важной поворотной точкой в осознании того, насколько эта империя уязвима, стала ситуация в Ливии. Ливия не играла важной роли в китайском потреблении нефти, но в этой стране китайцами реализовывались крупные инфраструктурные проекты, здесь работали десятки тысяч китайских рабочих, поставлялось большое количество оборудования. В момент голосования в Совете Безопасности ООН по вопросу о введении в Ливии бесполетной зоны в марте 2011 года режиму Муаммара Каддафи оставались, вероятно, считанные дни до окончательного подавления восстания. Традиционная модель взаимодействия с Россией тогда дала сбой. Россия заблокировать предложенную Францией резолюцию отказалась по комплексу внешне- и внутривнутриполитических причин. Китай действовать в одиночку не решился. Неспособность брать на себя лидерство и действовать самостоятельно дорого обошлась Пекину.

Если потери России были относительно скромными и исчислялись несколькими миллиардами долларов, потери китайцев только по строительным контрактам составили 16,6 млрд долл. Из Ливии пришлось эвакуировать 35 тысяч человек, которые потеряли высокооплачиваемую работу. С учетом упущенной выгоды общие китайские потери исчислялись, вероятно, десятками миллиардов долларов. Китайские дипломаты в дальнейшем, как всегда, наладили контакт с новыми властями Ливии и заручились гарантиями не разрывать старые, «дореволюционные», контракты. Но последующий распад Ливии лишил эти гарантии всякого смысла.

Пекин получил жестокий урок; китайцам было показано, что внешнеполитическая пассивность оставляет их экономические интересы в мире без защиты. Реальные же экономические и внешнеполитические интересы России

являются слишком узкими по сравнению с китайскими: во многих частях мира Россия почти не присутствует. Экономические возможности России ограничены. США, пытаясь играть роль мирового полицейского, во-первых, плохо справляются с этой ролью, а во-вторых, изначально не настроены защищать права и интересы стран, не входящих в число американских союзников. Таким образом, Китай стал слишком большим, чтобы продолжать отсиживаться в тени России.

Дискуссии о необходимости пересмотра прежнего курса велись и ранее, теперь они обострились. Ученые, интеллектуально оформлявшие идеи, связанные с новым курсом, например, директор Института современных международных отношений Университета Цинхуа Янь Сюэтуан, начинают пользоваться подчеркнутым вниманием руководства страны. Есть ряд радикальных публицистов, как правило, связанных с Народно-освободительной армией Китая, которые выступают за создание системы формальных военных союзов и развертывание войск за рубежом. Среди них популярностью пользуется и идея формального союза с Россией. Вообще жесткая российская внешняя политика рассматривается зачастую как привлекательная модель поведения. Определенной популярностью в Китае пользуется в силу этого и российский президент Владимир Путин – вплоть до приписывания ему апокрифических изречений по разным вопросам (по аналогии с тем, как в российском Интернете поучительные изречения по самым разным вопросам приписываются Уинстону Черчиллю).

Но сильна и инерция: ряд ветеранов китайской внешней политики публикуют статьи с призывом сохранять осторожность: несмотря на ливийский провал, старый курс был слишком успешным, чтобы от него отказаться. Довод только один – «ведь до сих пор все было хорошо», – но он работает. Отбросить курс, проводившийся на протяжении почти трех десятилетий с триумфальным успехом, – трудное, ответственное и рискованное решение для любого политика.

Поэтому пересмотр внешнеполитических приоритетов происходит постепенно. После прихода к власти нового поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином процесс ускорился. В 2013 году Си выступил с инициативами «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути». Обе инициативы на первый взгляд включают в себя главным образом экономические и инфраструктурные проекты. Однако, согласно официальным китайским документам и заявлениям, они подразумевают также «политическое согласование» и «народные связи» (под последними понимаются культурные контакты, туризм, пограничная торговля и т.п.). Таким образом, эти инициативы, получившие название «одного пояса и одного пути», представляют собой не только экономический проект, а концепцию выстраивания новой системы международных отношений, системы, в центре которой будет находиться Китай.

«Один пояс и один путь» – это, по сути, внешнеполитический аспект более общей концепции «китайской мечты», выдвинутой Си Цзиньпином в 2013 году вскоре после прихода к власти. «Китайская мечта», при всем многообразии толкований, понимается прежде всего как «великое возрождение китайской нации», обретение ею своего законного, исторически присущего ей места в мире. И заявления об «одном поясе и одном пути», и заявления о «китайской мечте», содержат многочисленные ссылки на исторический опыт, прежде всего на времена правления династий Хань и Тан, когда имперское величие Китая достигало наибольших масштабов.

Материальная база для новой внешней политики строится давно, и этот процесс довольно хорошо изучен. Если говорить о военной мощи, то Китаем уже сейчас создан сильный океанский флот, который по возможностям проецирования силы в удаленные районы мира далеко опережает российский флот и отчасти даже ВМФ СССР образца 1980-х годов. Этот флот уже сейчас накопил обширный опыт дальних плаваний; для китайских кораблей больше не являются

необычными походами протяженностью более полугода, а в начале XXI века это было еще немыслимо. Китайские корабли побывали на всех континентах; в ходе учебных походов посещались порты таких далеких стран, как Польша и Перу. Тысячи китайских военнослужащих пропущены через контингенты ООН в Африке, где они получили опыт службы в других странах и других климатических зонах. Одновременно Китай вкладывает значительные средства в развитие стратегических ядерных сил, и это позволяет предположить, что прежняя стратегия «минимального ядерного сдерживания» будет в перспективе отброшена. Создается мощная стратегическая военно-транспортная авиация. В ноябре 2015 года была официально открыта первая военная база Китая за рубежом – пункт материально-технического обеспечения китайского флота в Джибути.

Материальная база для активной глобальной внешней политики строится очень давно, в нее уже вложены десятки миллиардов долларов. На довольно продвинутой стадии находится строительство океанского военно-морского флота, очень большие изменения происходят в ядерной промышленности, и вообще в развитии стратегических ядерных сил КНР. Однако соответствующие политические шаги начали проявляться только сейчас. Например, демонстративные совместные учения с Россией в Восточном Средиземноморье (рядом с зоной конфликта) с участием китайского флота; такая же демонстративная в начале этого года эвакуация китайцев из йеменского порта Аден с установлением морской пехотой контроля над частью порта – это сигналы того, что изменения китайской роли в мире начались.

Какую систему международных отношений хотел бы в перспективе выстраивать Пекин? В этой области у китайцев имеется гигантский исторический опыт. Китаецентричная система международных отношений существовала в Китае с перерывами на протяжении почти двух тысячелетий до середины XIX века. Разумеется, от эпохи к эпохе она меняла свой облик, но основные принципы ее устройства оставались постоянными. Речь идет о так называемой даннической системе, подразумевавшей иерархическую систему связей с Китаем в роли центра и главного арбитра. Исторически Китай занимал роль не только крупнейшего государства, но и главной экономики региона, отношения с которой были жизненной необходимостью для соседей. Эти отношения могли поддерживаться только в рамках определенного формата, подразумевавшего отправку иностранными государствами посольств в Китай с формальным выражением покорности и принесением дани. Экономическое значение этой дани в большинстве случаев было незначительным. Часто император мог отправить ответные дары, которые превышали эту дань. Как правило, формальным было и выражение покорности. К тому же Китай не имел ни ресурсов, ни желания вмешиваться во внутреннюю политику своих вассалов, ограничиваясь формальным утверждением происходивших там смен правителей и династий.

Тем не менее пышный китайский дипломатический церемониал имел и реальное, практическое значение. Из ритуального принесения дани и выражения покорности следовала готовность подчиненного государства следовать в торговле и дипломатии неким общим правилам игры, которые устанавливались в регионе царствующей в Китае династией. Помимо доступа на китайский рынок, участие в даннической системе давало подчиненным странам и некоторые другие выгоды. В обмен на свое право формализовать отношения и выстраивать правила Китай брал на себя роль арбитра и защитника и, в некоторых случаях, был готов ее выполнять на деле, защищая своих вассалов от посягательств стран из-за пределов «даннической системы». Можно вспомнить помощь Китая корейцам в их войне с Японией в конце XVI века и попытки противостоять французской экспансии в Индокитае, которые привели к франко-китайской войне 1884–1885 годов.

Из нынешнего поведения и выступлений китайских лидеров можно сделать вывод, что, за вычетом средневековой церемониальной мишуры, новая модель китайского регионального и глобального лидерства будет отличаться высокой степенью исторической преемственности. Китайский подход, уже проявляющийся в отношениях с рядом стран Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, предполагает отказ от вмешательства во внутренние дела стран-партнеров; защиту их от внешнего давления со стороны третьих стран (пока с опорой на Россию, но во все большей степени – и своими силами); отказ от агрессивного экспорта своих ценностей и образа жизни. Главным требованием Китая к партнерам будет прежде всего отказ от вступления в любые союзы и коалиции без китайского участия и решение всех спорных с Китаем вопросов строго на двусторонней основе. Китай стремится развивать собственные механизмы политического и экономического взаимодействия и согласования, в рамках которых ему будет принадлежать роль верховного арбитра.

Китайская модель лидерства весьма привлекательна для многих развивающихся стран, причем ее привлекательность резко выросла после серии «цветных революций» в разных частях мира. Ряд государств уже близок к фактическому вхождению в эту создающуюся систему: характерными примерами в Азии являются Лаос и Камбоджа, полным ходом в сторону китайской сферы влияния движется Таиланд под властью военного правительства. В Африке небольшое государство Сейшелы в 2011 году само попросило КНР разместить на своей территории китайскую военную базу, но на тот момент встретило отказ. Для лидеров многих развивающихся стран партнерство с Китаем является способом укрепить собственную власть и получить защиту ценой дозированных экономических уступок.

Россия, не вписываясь в создаваемую Китаем систему международных отношений, была и остается ключевой страной, от которой зависит успешность построения этой системы. До последнего времени именно Россия обеспечивала Китаю возможности для спокойного развития, служа громом отводом для западного недовольства и давления. Теперь, когда прямые противоречия между Китаем и Западом нарастают, Россия в большей степени превращается в важный фактор энергетической, экономической и даже военной безопасности Китая. Тесное партнерство с Россией гарантирует Китай от угрозы блокады, санкций, стратегического окружения, резко сокращая потенциал Запада по давлению на Пекин. Пока эта система будет строиться, отношения с Россией будут иметь для Китая первостепенное значение. Но в дальнейшем самой России надо будет делать выбор относительно своего места в мире и отношения к двум конкурирующим иерархическим системам – американской и китайской.

Аннотация. Статья посвящена перспективам трансформации внешней политики КНР и влиянию этого процесса на будущее российско-китайских отношений. По мнению автора, происходящий пересмотр китайского внешнеполитического курса будет сопровождаться попытками Китая выстроить китаецентричную систему международных отношений сначала в Восточной Азии, а затем и за ее пределами. Партнерство с Россией является одним из краеугольных камней китайской внешнеполитической стратегии, и такая ситуация сохранится в обозримом будущем. Но рано или поздно России придется делать выбор, какой модели будущего мироустройства она хотела бы отдать предпочтение.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, реформы.

Vasily Kashin, Senior Fellow, Center for Analysis of Strategies and Technologies.
E-mail: v_kashin@yahoo.com

Chinese Picture of the Future and Russia's Place in It

Abstract. The article examines the prospects of the ongoing transformation of the Chinese foreign policy and possible outcomes of that transformation for Russia. The author argues that that China is at the early stage of building a new Sino-centric system of international relations first in the East Asia and later globally. While partnership with Russia is and will remain essential for the Chinese foreign policy strategy, at some point Russia will have to make a difficult decision about its vision of the future global order.

Keywords: China, Foreign Policy, Reform.

